

23 марта 1925 г. Париж

Милая Мулька, Мамулька и Муличка!

Я в Париже. Сажу на мансарде. Пятый этаж. Комната — 15 франков в день. Кровать двухспальная; здесь всегда так. Умывальник с горячей и холодной водой обязательно. Скрипучий стол. Кофе утром — три франка.

Уже весна, окно открыто. Движение колоссальное. Сегодня телеграмму послал со своим адресом.

Пиши скорей.

Все папиросы отобрали. Вещи же все в целости, много было канители на таможне³.

Почему обложки с Лениным? Почему плакаты с Лениным?

Но ничего, все уладилось. Вообще, трудно везти много вещей. Первое, что попало на глаза в Париже, что — мы ночью приехали — биде в номере и утром сегодня — человек, продающий неприличные карточки. О Бельгии, о Латвии, Германии, Литве напишу особо. Реклама в Париже очень слабая, а в Берлине есть хорошие вещи. Много смотрю, много вижу, учусь и еще больше люблю Москву.

Целую. Анти.

... До самого Парижа мы везли снег. Даже в Париже он вчера шел.

Трудно без французского языка.

В Германии приемник с лампой стоит
36 марок, то есть 9 рублей.

Пробуду, наверное, до первого июля.

А как хочется, чтобы у нас была такая промышленность. Встают рано — часов в 7 или 8, ложатся тоже рано.

...Один бы я, наверно, не попал в Париж.

Пока еще скучать некогда. Всем кланяюсь.

Если кто будет писать, зря адреса не давай,
а то будут писать глупости.

Маяковскому дай и скажи, что выставка

15 мая.

Целую. Анти.

24 марта 1925 г. Париж

Милые Мульки!

Мориц⁴ ушел, а я один еще боюсь идти куда-нибудь.

Каков Париж внешне, этот город шика, расскажу по приезде.

За гроши, то есть за 80 рублей, я купил костюм, ботинки и всякую мелочь — подтяжки, воротнички, носки и пр.

К сожалению, прежний я исчез внешне.

Но так здесь ходить невозможно.

Женщины стригутся по-мужски, как ты, носят, главным образом, коричневое пальто, как у тебя, обтянутое сзади, недлинное; короткие юбки, почти до колен, и темного цвета чулки, туфли. Вообще, вроде девочек. Мужчины — разно, но, конечно, не так, как я одевался.

Движение авто настолько сильно, что приходится ждать, собираясь на тротуаре, затем быстро бежать на середину улицы, опять ждать и, наконец, — на другую сторону.

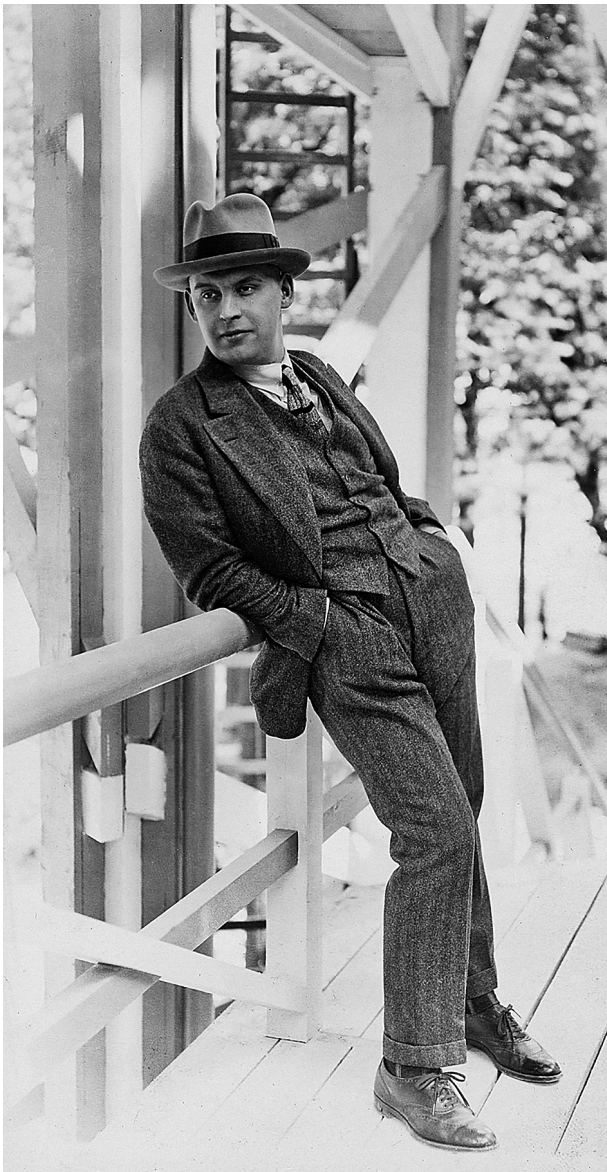
Спутник в испуге бежит за мной. Я, оказываясь, отлично ориентируюсь в этом, а он был за границей раньше. Смеюсь над ним. Автобусы большие и носятся в большом количестве до десяти сразу, и я их прозвал носорогами.

Лошадей, можно сказать, совсем нет.

Такси — примерно как от почтамта до Пречистенки — берут 65 франков, то есть 40–50 коп.

Много шоферов русских.

Моды действительно интересны. Реклама в Париже плоха. Некоторые интересно придуманы, но скверно исполнены. Вечером все светит.

А.М. Родченко в Париже на ступенях павильона К.С. Мельникова.
Фотография Анри Мануэля (Henri Manuel), 1925 г.

Я живу в мансарде на пятом этаже. Жара страшная, топят вовсю. Я сижу в одной рубашке, с открытым окном.

Трудно без языка. Мое же знание липовое, и я его не осилю.

Издали видел вышку нашего павильона на выставке. Пока еще не ходил туда, завтра пойду.

Внешне Париж больше Берлина похож на Москву. Внешне даже и люди. Немцы уж очень специфичны. Кажется, что сплошь сигарный дым. Гросс⁵ очень здорово выявил самое характерное в берлинском обществе, которое и есть, действительно, таково.

В Берлине я был очень мало — с 10 утра до 9 вечера, поэтому мало что видел. Хотя и смотрел очень жадными глазами.

В Кёльне был с 11 утра до 10 вечера, видел Кёльнский собор внутри и снаружи. Внутри это лес, выраженный колоннами, наверху как будто листва, а окна с цветными стеклами — это просветы леса в разные часы дня и ночи. Аскетизм и бесплодие, сухость невероятная.

Пиво не такое уж особенное, еда в Берлине сравнительно для них дорогая. Хлеб и сахар, по видимому, имеет недостаток.

Лувр под носом, выставка тоже. Так что удобно.

Жду писем, целую всех.

Анти.

В.Ф. Степанова в платье, сшитом из ткани, напечатанной по ее рисунку на Первой ситценабивной фабрике в Москве. Фотография А.М. Родченко, 1924 г.

25 марта 1925 г. Париж

Милая Муличка!

Павильон почти готов. Завтра начинаю устраивать работу по клубу, сегодня получу чертежи свои, которые шли с дикпурьером. Павильон наш будет самый лучший в смысле новизны. Принципы конструкции здесь совершенно иные, чем у нас, — более легкие и простые. Хорошо, что я не делал рабочих чертежей, здесь все равно пришлось бы их делать заново.

Официально выставка должна открыться в конце апреля, но, наверно, откроется в мае. По тому, что на ней настроено, ясно, что она слабее в художественном смысле нашей выставки (Сельскохозяйственной)⁶.

Вчера бродил вечером и немного днем по Парижу, и, к моему удивлению, реклама у них так слаба, что и объяснять нечего. Еще ничего световая, и то не тем, что из нее сделано, а тем, что ее много и что техника ее высокая. Заходил в какую-то «Олимпиаду», где до утра танцуют эти фокстроты и прочее. На меня это произвело большое впечатление; женщины одеты только в одну тунику, намазанные, некрасивые и страшные бесконечно. Просто это публичный дом, подходят, танцуют, уводят любую. Но оказывается, что это не французы, это иностранцам всюду устроены разные такие вещи, а сами французы иначе проводят время, как — точно еще не знаю, во всяком случае, не так идиотски.

Встаю в 7 часов утра, моюсь без конца горячей водой, обтираюсь холодной и пью кофе. Обедаю пока где попало. Страдаю от папирос без мундштука и собираюсь купить трубку. Теперь

я понимаю, что трубку можно курить во Франции как лучшее, что можно курить, а в России трубка — это только подражание.

Здесь все дешево, конечно, относительно (то есть потому, что наши деньги дороги; если здесь жить, то будешь и меньше зарабатывать).

Вчера, смотря на фокстротную публику, так хочется быть на Востоке, а не на Западе. Но нужно учиться на Западе работать, организовывать дело, а работать на Востоке.

Какой он простой, здоровый этот Восток, и это видишь так отчетливо только отсюда. Здесь, несмотря на то, что обкрадывают танцы, костюмы, цвета, походки, тип, быт Востока, все, — делают из всего этого такую мерзость и гадость, что Востока никакого не получается.

Да, но и другие сидят и работают, и ими создается индустрия высокой марки, и опять обидно, что на лучших океанских пароходах, аэро и проч. будут и есть опять эти фокстроты, и пудры, и бесконечные биде.

Культ женщины как вещи. Культ женщины как червивого сыра и устриц, — он доходит до того, что в моде сейчас «некрасивые женщины», женщины под тухлый сыр, с худыми и длинными бедрами, безгрудые и беззубые, и с безобразно длинными руками, покрытые красными пятнами, женщины под Пикассо, женщины под «негров», женщины под «больничных», женщины под «отбросы города».

И опять мужчина, создающий и строящий, весь в трепетах этой «великой заразы», этого мирового сифилиса искусства.

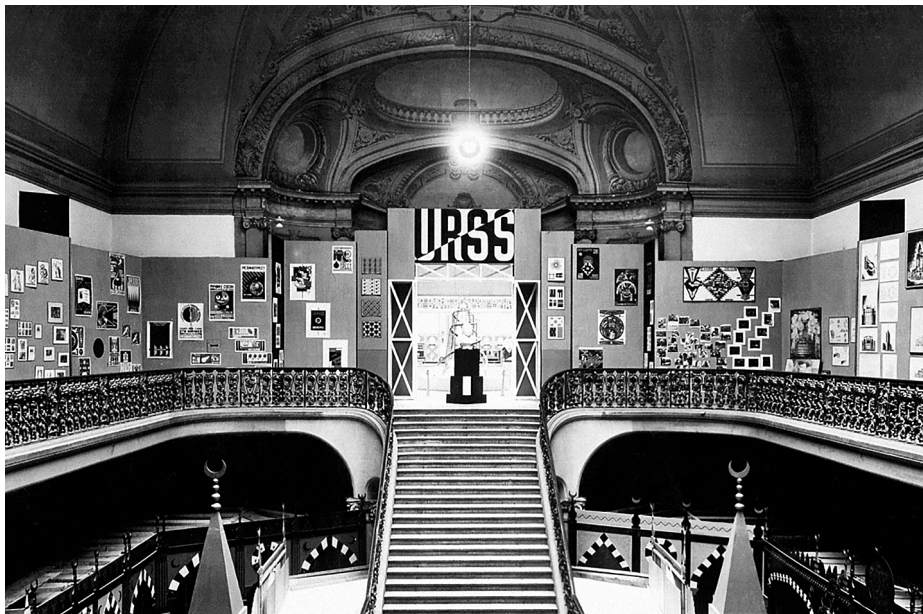
Вот оно до чего доводит. Вот его махровые
цветы здесь.

Искусство без жизни, грабящее всюду
и везде от самых простых людей и превращающее все
это в больницу.

Ну, я разошелся, прости.

Привет всем, целую всех, мои дорогие.

Ваш Анти.

Гран-Пале. Вход в советский раздел экспозиции Международной выставки декоративных искусств и художественной промышленности в Париже. 1925 г.

А.М. Родченко — В.Ф. Степановой

2 мая 1925 г. Париж

Купил «Септ» с часовым заводом, с Тессаром Цейса 3,5 на 6 метров, с 18 кассетами, с треножником, пленкой, печатной штукой и пр. Сижу и верчу...

Он маленький, меньше моего фотоаппарата 9 × 12. Но беда — объектив с царапиной, завтра обменяю.

В хорошем футляре, и им можно снимать, как фотоаппаратом... Рад страшно...

...Хочу открытие, когда будет Красин, снять и прислать Вертову, — буду корреспондент «Кино-Правды» в Париже. Его фото с «Кино-Глаза» получил...

Сижу и люблюсь всем. Дураки и идиоты — у них так много всего, и дешево, а они ни черта не делают — «все любовь делают». Это у них так нежно называется.

Они и кино делают с этим. Женщины, сделанные капиталистическим Западом, их же и погубят. Женщина-вещь, это их погибель.

Интерьер советского павильона. Архитектор К.С. Мельников.
Второй этаж. Экспозиция Госторга. Проект экспозиции А.М. Родченко.
Фотография Анри Мануэля. 1925 г.

И женщины здесь действительно хуже вещи, они форменным образом сделаны, все: руки, походка, тело. Сегодня мода, чтобы не было груди, — и ни у одной их нет... Сегодня мода, чтобы был живот, — и у всех живот. Сегодня мода, чтобы были все тонкие, — и все тонкие. Они действительно все, как в журнале.

Война и угроза Германии. Вот это единственно, что еще заставляет их что-то делать вне этого. А то бы они все «делали любовь».

Да ну их к черту... с вещами я вылечу пулей из этой страны, где республика строится на женщинах.

Ведь здесь масса театров, где целый вечер на сцене выходят, и ходят, и молчат голые женщины в дорогих и огромных перьях, на дорогих фонах, и больше ничего, — пройдет и все... и разные, разные и все, понимаешь, проходят голые, и все довольны... «а зачем»...

Вот их идеал — «разные» да голые... и молчат, и не пляшут, и не двигаются. А просто проходят... одна... другая... третья... пять сразу, двадцать сразу... и все...

Да я еще и не могу и написать точно, до чего «н и ч е г о», до чего это — «в е щ и», до чего это, когда, оказывается, есть только один мужчина человек, а женщин нет человек, и с ними можно делать все — это вещь...

Твой сын обменял «Септ» на другой, без царапины. Кроме того, купил 12 штук кассет, черный треножник и большую бутылку проявителя.

Ну, пока. Анти.

3 мая 1925 г. Париж

Милый Хомик!

Получил твое письмо от 27-го, ни числа, ни номера нет.

Пишешь, привези что-нибудь Льву Кулешову и Коноплево́й²², а что бы? Ей-то «Коти», а ему что? Ручку, что ли? Что-нибудь куплю, а может, ты напишешь.

Приеду вместе с Дурново²³ из кустарного, он тоже едет 1 июня, мне легче. Он хочет, чтобы я поработал в кустарном деле.

Ты там не хворай.

У меня неприятности по выставке отошли. Все же всем ясно, что берет от меня, и тот, кто берет, тоже знает.

Завтра с утра работа, самая горячка.

Сейчас полюбуюсь аппаратом и лягу спать.

Что бы купить Мулечке и матери?

Целую всех.